

А.В.Батулина

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ КАК ОБЪЕКТ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ

Анализируются метаязыковые суждения, объектом которых являются устойчивые словесные комплексы политической публицистики. В качестве материала исследования выбран текст мемуаров известного советского и российского журналиста А.Е.Бовина, профессионального автора и читателя публицистических текстов. Как показал анализ материала, автору мемуарного текста свойственна высокая степень рефлексивности, осознанности в выборе языковых средств, в частности — устойчивых сочетаний. В метаязыковых контекстах, посвященных клише-советизмам, отражены объективные, совпадающие с лингвистической интерпретацией, признаки устойчивых сочетаний языка политики: эвфемистичность, безальтернативная оценочность, явление полной воспроизводимости по пусковому слову, референциальная опустошенность. Вместе с тем в рефлексивных высказываниях содержатся представления автора об отдельных устойчивых сочетаниях, сложившиеся на основе субъективного речевого опыта. Частотным, обусловленным спецификой жанра мемуаров, является комментарий о времени возникновения устойчивого сочетания. Сделан вывод о многообразии дискурсивных функций устойчивых словесных комплексов.

Ключевые слова: устойчивые словесные комплексы, фразеологизм, язык политики, публицистика, клише, обыденное метаязыковое сознание

Наличие клише, устойчивых сочетаний, цитат, отражающих идеологические ценностные установки эпохи, — неотъемлемая черта политической публицистики советского периода, отмечаемая всеми исследователями новояза [1, с. 698; 2, с. 463].

По замечанию М.Кронгауза, «реальный новояз был не средством ограничения мысли вообще, а набором приемов, способов конструирования специфических «советских» текстов, используемых в публичном коммуникативном пространстве» [2, с. 468]. Одним из важнейших средств такого конструирования, безусловно, являлись устойчивые сочетания: *рабочий класс, диктатура пролетариата, братские страны, акулы капитализма* и под.

Текст мемуаров индивидуален, в нем реализуются личные представления и вкусы автора, в том числе и языковые. Вслед за Н.П.Перфильевой метатекст мы понимаем как отражение «речевой рефлексии Говорящего... наблюдение Говорящего над собственной речевой деятельностью, точнее речевым поведением, в том числе употреблением им слова или высказывания, и интерпретация его вербальными знаками или знаками других коммуникативных систем» [3, с. 39]. Высказывания о вербальной форме и значении устойчивых выражений языка политики, представленные в мемуарах А.Е.Бовина [4], представляют несомненный интерес и как пример проявления некоторых общих закономерностей метаязыковой рефлексии и как образец метаязыкового сознания носителя элитарного типа речевой культуры.

В исследованиях по фразеологии имеются различные трактовки термина «устойчивые словесные комплексы» (далее — УСК), которые можно свести к «широкому» и «узкому» пониманию. Согласно «широкому» подходу, к УСК относятся идиоматичные и неидиоматичные, номинативные и коммуникативные единицы [5, с. 34-35; 6, с. 16; 7, с. 67-68]. При «узкой» трактовке к УСК причисляются неидиоматичные, в отличие от собственно фразеологизмов, несвободные сочетания слов, выполняющие номинативную функцию, обладающие стилистической маркированностью, устойчивостью и воспроизводимостью [8, с. 39; 9, с. 180-182; 10, с. 137].

Принимая «узкую» трактовку термина УСК, под устойчивыми словесными комплексами мы будем понимать устойчивые и воспроизводимые сочетания номинативного характера, не обладающие идиоматичностью значения, но обладающие узуальными ограничениями на сочетаемость: «сочетания, в которых реализуются лексически связанные деривационные значения слов... представляют собой несвободные образования, так как реализация косвенной номинативной функции одного из компонентов сопряжена с условиями его выбора в определенной комбинации» [11, с. 499]. Например, компонент *братский* в своем лексически связанном значении образует сочетания с ограниченным списком слов: *страны, народы, партии, сотрудничество*, однако не сочетается с другими словами тех же лексико-семантических групп: **братское государство, население, правительство*. В Большом толковом словаре С.А.Кузнецова (далее — БТС) лексически связанное значение прилагательного *братский* приводится в скобках: *братский* — «...3. «Относящийся к братству, братии. *Б. ужин. Б-ое сотрудничество* (публиц.; в СССР: о кооперации социалистических стран)» [12]. Ср. также реализацию лексически связанного значения *казарменный*, которое возникает в сочетании с определенными словами (*коммунизм, социализм*): *казарменный коммунизм* — «Примитивная, грубоуравнительная концепция коммунизма (социализма) как строя крайнего аскетизма, подавления личности, управляемого узким слоем «революционных лидеров», жестко регламентирующих все формы предельно бюрократизированной общественной деятельности с помощью насилия, лжи...» [13].

Значение «основанный на подавлении личности, жесткой регламентации всех форм деятельности» не выделяется в качестве отдельного лексико-семантического варианта или оттенка значения в БТС, оно связано семами отрицательной оценки с оттенком значения слова *казарма* и семами «обязательное», «принудительное» с устойчивым сочетанием *казарменное положение: казарма* — «...2. ... // Неодобр. Некрасивое, унылое, построенное по шаблону здание. *Казарменный, -ая, -ое. К-ая жизнь. К. порядок. Здание казарменного вида. К-ое положение* (в России в военное время, в период мобилизации и т.п.: обязательное, постоянное пребывание в воинской части, на заводе, в учреждении)» [12]. Выражение **казарменный капитализм* носит окказиональный характер.

Наряду с УСК, «несвобода» которых создается наличием компонента в связанном (лексически или фразеологически) значении, выделяются УСК, (речевые штампы, или клише), в которых «несвобода сочетаемости обусловлена только стилистическими факторами» [11, с. 510]. К УСК данного типа относятся, например, *проводить линию, генеральная линия партии, на повестке дня, клубок противоречий* [11, с. 510].

Рефлексивные высказывания о языке не-лингвистов принято относить к так называемой наивной, или обыденной, лингвистике. Признавая, что «в основных чертах «конфигурация» обыденного метаязыкового сознания совпадает со структурой научного знания о языке» [14, с.114], исследователи отмечают недостоверность, асистемность, упрощенность способов интерпретации, характерную для метаязыковых суждений «естественного лингвиста» [14, с. 114-119; 15, с. 50-51]. В то же время признается «проблематичность нечеткости самой границы наивное / научное» [16, с. 12]. Как нам представляется, едва ли можно считать «наивной» метаязыковую рефлексию А.Е.Бовина, в разные периоды своей жизни бывшего руководителем группы консультантов ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, теневым спичрайтером высшего руководства страны, журналистом, телеведущим, послом.

В рефлексии А.Е.Бовина по поводу клише новояза нашли отражение все признаки УСК языка политики, выделенные лингвистами. Прокомментирована эвфемистичность и использование в качестве средства «демагогического манипулирования языком с целью сокрытия подлинного смысла» [1, с. 708]: «Читать ее (бумагу о смещении Хрущева — А.Б.) сегодня трудно по причине партийно-кондового языка, который часто скрывает проблемы, вместо того чтобы выявлять их... суть дела, если убрать дымовую завесу формулировок, можно было бы свести к двум тезисам» [4, с. 112]; «Клиническая смерть» мирного процесса — это литература, метафора. На языке практической политики это означает обычные смерти обычных людей» [4, с. 475].

Отмечено обесмысливание коммуникации вследствие повторения одних и тех же устойчивых сочетаний: «19 сентября 1953 года районная газета “Вышка” была украшена редакционной статьей “Завтра — все на выборы!”. Статья эта своего рода классика. В ней представлен весь набор примитивных пропагандистских штампов сталинской эпохи» [4, с. 40]; «К сожалению, мы привыкли шарахаться из стороны в сторону, повторяя зигзаги дарованных свыше формулировок. Сказано “развитой социализм” — и дружный хор, почти как у Эсхила, подхватывает очередное “указание”. Сказано “новая историческая общность” — и поток статей, книг, диссертаций смывает крупницы реальных знаний о “советском народе”» [4, с. 418].

Прокомментировано явление полной воспроизводимости текста по пусковому слову [17, с. 241], приводящее к отсутствию диалогичности коммуникации: «Привычные, родные, насмерть впаянные в мозги понятия двигаются почти в автоматическом режиме, повторяясь, меняясь местами, пересекая друг друга. Под поощрительные голоса слушателей: “Правильно! Верно!”» [4, с. 192].

Объектом критики становится безальтернативная оценочность устойчивых сочетаний: «Очень часто в передаче “Сегодня в мире” и в программе “Время” зачитываются одни и те же тассовские тексты, которые телезритель или уже читал в газетах, или прочтет завтра. Умные, интересные комментарии появляются редко и с опозданием. Аргументы сплошь и рядом заменяются набором слов вроде “клеветнический”, “злобный”, “гщетный” и т.д. и т.п.» [4, с. 269].

Таким образом, в метаязыковой рефлексии А.Е.Бовина нашел отражение конфликт между невозможностью обойтись без идеологически нагруженных, безальтернативно оценочных УСК, препятствующих диалогичности текста, и стремлением обеспечить эффективную коммуникацию. Нежелательные последствия употребления клише-советизмов прекрасно осознавались автором и его коллегами: «Слова и формулировки, которыми мы “заведовали” и набор которых предлагали, были связаны с разными проблемами. Драки из-за слов, которыми сопровождалась работы над каждым документом, отражали столкновение разных точек зрения, разных политических линий» [4, с. 211].

Такое положение дел, безусловно, было связано с жесткой идеологизацией и централизацией советского общества. Кроме того, по мнению А.Е.Бовина, оно объяснялось отсутствием политологии как науки со своим терминологическим аппаратом: «Ситуация была парадоксальной. Марксистско-ленинская идеология была самой политизированной. Но в отличие от “западного мира” в нашем мире не признавалось существование политической науки как особой, специфической, имеющей свое содержание политической дисциплины» [4, с. 113]. Ср. также: «Каждое крупное изменение в руководстве ЦК КПСС ведет к существенному пересмотру курса истории партии, и каждый раз это делается под лозунгами “объективности” и “научного подхода”». [4, с. 137].

Помимо общей характеристики корпуса устойчивых сочетаний и их функциональной нагрузки, в тексте мемуаров содержатся комментарии об отдельных УСК. Объектом авторской рефлексии становится сигнификативный, денотативный, прагматический компонент значения устойчивых номинативных единиц. Комментарии к плану содержания обычно представляют собой семантизацию УСК, например: «Конечная

продукция посольства — анализ того, что происходит в «стране пребывания» (на мидовском аргю так называют страну, где аккредитован посол)...» [4, с. 458].

Как отмечает Е.А.Земская, «клише новояза, как правило, ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт, отсутствующий в действительности» [1, с. 699]. В рефлексии А.Е.Бовина по поводу УСК нашел отражение разрыв между декларируемой, обусловленной внутренней формой, и реальной референтной отнесенностью УСК: «Брежнев воспринимал место, которое он занимает, с непосредственной наивностью... “Я, — говорит, — как царь. Только не могу, как царь, дать землицу, крепостных. Зато могу дать орден”. А ведь так оно и было. И называлось “ленинские принципы партийной жизни”» [4, с. 221]; «Хорошо быть мальчишкой. Не было страха. Не переживалась трагедия. Наказывали врагов народа — и правильно делали. А мы не враги, чего нам бояться» [4, с. 17].

Объектом комментариев к плану выражения становится вербальная форма УСК: «Почему-то говорят и пишут: верительные грамоты, то есть во множественном числе. Хотя бумага, документ, грамота — она одна» [4, с. 451].

Рефлексия автора по поводу прагматического компонента значения устойчивых сочетаний представляет собой прежде всего оценку достоинств / недостатков УСК как средства номинации. В тексте мемуаров многие устойчивые сочетания взяты в кавычки. Кавычки в качестве метаоператора в большинстве случаев передают авторскую иронию: «Спускалась разрядка, согласно которой определенные группы инициировали “бурные аплодисменты”. Этим людей называли “хлопкоробы”» [4, с. 312]; «У меня сохранились и странички с замечаниями Голикова и Трапезникова. Они начинаются почти по Жванецкому: “Сегодня Ленина изучают и по Ленину живут в джунглях. Это победа ленинизма”. Однако, несмотря на эту победу, предлагается отметить “невероятную напряженность” на мировой арене» [4, с. 131].

Средством выражения иронического отношения к корпусу клише языка политики служит разрушение УСК (пропуск, замена, добавление компонента), использование устойчивых сочетаний как средства языковой игры: «Разговариваем о пражских делах, о неприятии советскими деятелями социализма “с человеческим лицом”. Капича сердится, стыдит меня: вот вы там рядом с началом, неужели вы не можете твердо сказать: оставьте Прагу в покое, пусть делают “лицо”, которое хотят, нам бы о своем лице лучше побеспокоиться» [4, с. 174-175]; «Предполагали, что “здоровым силам” (в Праге и в Москве) удалось в конце концов надавить Брежневу, втолковать ему, что нельзя держать в ЦК “отпетого ревизиониста”, друга всех самых нездоровых сил в Чехословакии и, наверное, не только в ней» [4, с. 210].

Следует отметить, что метаязыковые комментарии А.Е.Бовина по поводу УСК не сводятся к их отрицательной оценке. Далеко не всегда устойчивые сочетания имеют формульный характер и лишены понятийного содержания: «Тогда вступление в партию воспринималось как рубеж, как вежа, обозначающие приобщение к могучему отряду тех, кто идет впереди, кто прокладывает и т.д. и т.п. Сегодня такие и аналогичные слова звучат почти как пародия. Но для моего поколения они, эти слова, сохраняли свой первоначальный смысл» [4, с. 32].

Многие новые УСК языка политики, пришедшие на смену старым, расцениваются автором как менее удачные: «...есть два варианта обращения к телезрителям: “господа” и “товарищи”. Оба они условны. Но все-таки мне, как, наверное, и многим из вас, ближе немодное ныне обращение “товарищи”. И поэтому я буду говорить: “Здравствуйте, товарищи!”» [4, с. 601].

УСК постсоветского периода так же, как и клише новояза, затемняют смысл высказывания и являются средством манипулирования общественным сознанием: «Долговечно даже не царственное слово. В эпоху всеобщей грамотности это, к сожалению, дает шанс всяким прохиндеям, позволяет им не соскользнуть в “черную дыру” невозвратного прошлого» [4, с. 8]; «Распался Советский Союз... Нигилистическое отношение ко многим традиционным ценностям сопровождалось идеалистическими представлениями о «новом мировом порядке», где господствуют общечеловеческие ценности и где, как известно, “и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их” (Исаия, II:6)» [4, с. 468].

Отдельные УСК снабжаются лингвокультурологическим комментарием, содержанием которого является связь устойчивых выражений с бытом, культурой и историей, традициями, конкретными персоналиями, прецедентными текстами и под.: «...мое самообразование, многие мои интересы и пристрастия определялись тесными контактами с “лицами еврейской национальности”. Впрочем, это замысловатое выражение было пущено в ход гораздо позже. Оно явилось порождением некоей большевистской политкорректности...» [4, с. 34].

Частотным в тексте мемуаров, охватывающих период с 1930-го по 2002-й год, становится комментарий о времени возникновения устойчивого выражения. А.Е.Бовин информирует читателя о том, что используемое им УСК является анахронизмом по отношению к реалиям советской эпохи: «Здесь действовал сложный политический механизм подбора руководящих кадров для “силовых” органов (термины “силовики”, “силовые” органы тогда не употреблялись, они появились в политическом языке где-то в конце 90-х)» [4, с. 99]; «Выражаясь нынешним языком, впитавшим реалии Вьетнама, Афганистана, Чечни, обозначенные выше факты можно квалифицировать как “точечное бомбометание”» [4, с. 35].

Комментарием сопровождается и противоположный процесс: употребление клише-советизмов для описания явлений «постперестроечного» времени: «Я, естественно, старался снижать “склоемкость”. Раньше это называлось воспитательной работой» [4, с. 462].

Особенностью идиостиля А.Е.Бовина является регулярное использование УСК-советизмов не только в общественно-политическом, но и в семейно-бытовом дискурсе, например, в личной переписке: «Кстати, передай привет Фукуяме. Пусть напишет “Начало истории”. Так оно верней. А нам можно испытывать “чувство глубокого удовлетворения” — опять впереди Россия» [4, с.465]; «7 августа в здании “Известий” гулял международный отдел и отдельные присоединившиеся к нему лица» [4, с. 241].

В приведенных примерах УСК, обычно взятые в кавычки как иностилевые средства, с одной стороны, являются средством языковой игры, с другой — обеспечивают точность и лаконичность речи. Так, устойчивые сочетания используются для обозначения уже названного референта: «Мой выбор будет в пользу людей. Я вижу свою функцию в решении гуманитарных задач... Вот это и есть, как сейчас модно говорить, человеческое измерение политики» [4, с. 449].

Способность УСК восстанавливаться по пусковому слову используется автором для передачи общего содержания документа или его стилистической тональности: «Что же касается искусства, то тут “не находился” и “не состоял” [4, с. 213]; «Послехрущевское руководство, мало что меняя на верхних, официальных, парадных этажах идеологии, дало понять “местам”, что желательнее умерить антисталинские настроения, осадить “очернителей” нашей славной истории» [4, с. 137].

Итак, в анализируемом тексте устойчивые сочетания регулярно становятся объектом метаязыковой рефлексии. В комментариях А.Е.Бовина по поводу употребления клише-советизмов объективируются различные дискурсивные функции УСК, с одной стороны, являющихся объектом авторской иронии, а с другой — удобным средством номинации реалий советской и постсоветской эпохи.

1. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Земская Е.А. Язык как деятельность. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 698–714.
2. Кронгауз Максим. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2018. 512 с.
3. Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 285 с.
4. Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2017. 654 с.
5. Чернышева И.И. Устойчивые словесные комплексы в языке и речи (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1980. 141 с.
6. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Отв. ред. С.Г.Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2011. 424 с.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.
8. Морозов М.А. К вопросу о собственно публицистических фразеологизмах // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2015. № 26. С. 39-44.
9. Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 178-194.
10. Любимова Л.М. Социальные модели устойчивых формул деловых памятников как объект исторической фразеологии // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 4(55). С. 134-140.
11. Телия В.Н. Фразеология // Общее языкознание (Внутренняя структура языка). М.: Наука, 1972. С. 456-515.
12. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. [Электр. ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 23.10.2021).
13. Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. И.И.Санжаревский. М., 2010. [Электр. ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1247/> (дата обращения: 19.10.2021).
14. Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской художественной прозы). М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
15. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 50-64.
16. Заика В.И. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сборник научных статей. Кемерово, 2012. С. 12-14.
17. Верещагин Е.М. Мир как кольцо: итеративность клише в славяно-русской гимнографии // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 240-249.

References

1. Zemskaya E.A. Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetovskogo obshchestva [Newspeak clichés and citation in the language of post-Soviet society]. In: Zemskaya E.A. Yazyk kak deyatelnost'. Moscow, 2014, pp. 698-714.
2. Krongauz Maksim. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, 2018. 512 p.
3. Perfil'eva N.P. Metatekst v aspekte tekstovyykh kategoriy [Metatext in terms of text categories]. Novosibirsk, 2006. 285 p.
4. Bovin A.E. KhKh vek kak zhizn'. Vospominaniya [XX century as life. Memories]. Moscow, 2017. 654 p.
5. Chernysheva I.I. Ustoychivye slovesnye komplekxy v yazyke i rechi (na materiale nemetskogo yazyka) [Stable verbal complexes in language and speech (based on the material of the German language)]. Moscow, 1980. 141 p.
6. Shulezhkova S.G., ed. Frazheologicheskiy slovar' staroslav'yanskogo yazyka: svyshe 500 ed. [Phraseological dictionary of the Old Slavonic language: over 500 units]. Moscow, 2011. 424 p.
7. Shanskiy N.M. Frazheologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of the modern Russian language]. St. Petersburg, 1996. 192 p.
8. Morozov M.A. K voprosu o sobstvenno publitsisticheskikh frazeologizmakh [On the issue of publicistic phraseological units]. Russkiy yazyk kak inostrannyy i metodika ego prepodavaniya, 2015, no. 26, pp. 39-44.
9. Pimenova M.V. Leksikograficheskoe opisanie drevnerusskikh ustoychivyykh sochetaniy slov (na materiale glagol'nykh oborotov) [Lexicographic description of old Russian stable word combinations (based on verbal phrases)]. Voprosy leksikografii, 2020, no. 17, pp. 178-194.
10. Lyubimova L.M. Sotsial'nye modeli ustoychivyykh formul delovyykh pamyatnikov kak ob'ekt istoricheskoy frazeologii [Social models of sustainable formulas of business monuments as an object of historical phraseology]. Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, no. 4(55), pp. 134-140.

11. Teliya V.N. Frazeologiya [Phraseology]. In: Obshchee yazykoznanie (Vnutrennyaya struktura yazyka). Moscow, 1972, pp. 456-515.
12. Kuznetsov S.A., ed. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (BTS) [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, 1998. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (accessed: 23.10.2021).
13. Sanzharevskiy I.I., comp. Politicheskaya nauka: Slovar'-spravochnik [Political Science: Dictionary-Reference]. Moscow, 2010. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1247/> (accessed: 19.10.2021).
14. Shumarina M.R. Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy khudozhestvennoy prozy) [Language in the mirror of literary text. (Metalanguage reflection in the works of Russian fiction)]. Moscow, 2011. 328 p.
15. Lebedeva N.B. O metazykovom soznanii yuristov i predmete yurislingvistiki [On the metalinguistic consciousness of lawyers and the subject of jurislinguistics]. Yurislingvistika, 2000, no. 2, pp. 50-64.
16. Zaika V.I. Metazykovaya refleksiya v khudozhestvennom tekste [Metalanguage reflection in a literary text]. Obydennoe metazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika: sbornik nauchnykh statey. Kemerovo, 2012, pp. 12-14.
17. Vereshchagin E.M. Mir kak kol'tso: iterativnost' klishe v slavyano-russkoy gimnografii [The world as a ring: the iteration of the cliché in the Slavic-Russian hymnography]. Frazeologiya v kontekste kul'tury. Moscow, 1999, pp. 240-249.

Batulina A.V. Stable verbal complexes of the language of politics as an object of metalanguage reflection. The article analyzes metalanguage judgments, the object of which are stable verbal complexes of political journalism. The text of the memoirs of the famous Soviet and Russian journalist A.E.Bovin, a professional author and reader of journalistic texts, was chosen as the research material. As the analysis of the material has shown, the author of the memoir text can be characterized by a high degree of reflexivity, awareness in the choice of language means, in particular, stable combinations. In metalanguage contexts devoted to Sovietisms, objective signs of stable combinations of the language of politics, coinciding with linguistic interpretation, are reflected: euphemisms, non-alternative evaluativity, the phenomenon of complete reproducibility by a trigger word, referential emptiness. At the same time, the reflexive statements contain the author's ideas about certain stable combinations formed because of subjective speech experience. Due to the specifics of the genre of memoirs, comments about the time of the emergence of a stable combination occur more frequently. The conclusion has been made about the variety of discursive functions of stable verbal complexes.

Keywords: stable verbal complexes, phraseology, language of politics, journalism, cliché, everyday metalanguage consciousness.

Сведения об авторе. Анна Валерьевна Батулина — канд. филол. наук, доц.; Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Российская Федерация; ORCID: 0000-0001-6341-5965; b.av@bk.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.11.2021. Принята к публикации 20.11.2021.

Ссылка на эту статью: Батулина А.В. Устойчивые словесные комплексы языка политики как объект метаязыковой рефлексии // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 661-665. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).661-665

For citation: Batulina A.V. Stable verbal complexes of the language of politics as an object of metalanguage reflection. Memoirs of NovSU, 2021, no. 6(39), pp. 661-665. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).661-665